

Н.А. Шалимова

Треплев

ТРЕПЛЕВ — герой комедии А.П. Чехова «Чайка» (1896). В образе Треплева Чехов раскрывает мироощущение человека «рубежного» времени, ведущей идеей которого становится идея «духовного избранничества». Эта идея волнует воображение Треплева, определяет его характер чувствований, «окраску переживаний» (А. Белый). Слова Треплева о «жрецах святого искусства», «немногих избранных» можно считать «оговоркой по Фрейд», выдающей жгучее желание Треплева стать одним из них: «У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея...» Стремление вырваться из плена социальной реальности, в которой он всего лишь «киевский мещанин», рождает «эстетический протест» (Н. Бердяев) против современных форм искусства и жизни.

«Странная» пьеса Треплева — его первое лирическое самовысказывание, его личная «попытка полета». Реальный усадебный пейзаж («вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде»; женщина, «вся в белом», сидящая на камне), — этот пейзаж, заключенный в «зеркало сцены», становится идеальной эстетической оболочкой Мировой Души. Треплев создает «метафизику красоты», трагичную по существу. В отказе Треплева от изображения жизни «как она есть» слышен отзвук шопенгауэровского «отказа от материи». Троекратное эхо «Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно» выражает состояние бесконечного духовного одиночества автора. А слова о «пленнике, брошенном в глубокий колодец» — надежду быть услышанным и понятым. Провал спектакля означает для Треплева не столько отвержение «новых форм», сколько «неуспех личности», осмеяние «претензии» на духовное избранничество.

Экзистенциальная тревога, связанная с проблемой самоидентификации («Я — ничто... Кто я? Что я?») и боязнью «опоздать» («Мне уже двадцать пять лет»), развивает в Трепеле «гамлетовский комплекс» (В. Набоков). Отсюда стремление Треплева «символизировать» жизнь, превратить ее грубую материю в одухотворенный образ-символ: «Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу ее у ваших ног». Отказ Нины понимать эту символическую акцию — «страшен, невероятен» для Треплева: «Будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю». Нина Заречная — Психея, душа творчества Треплева. Теряя ее, он утрачивает способность творить: «Она меня не любит, я уже не могу писать... Пропали мои надежды».

На протяжении всей пьесы Треплев стремится вырваться за пределы своего одиночества: ставит спектакль, пытается покончить с собой, затевает глупую дуэль с Тригориным, хочет вернуть любовь матери, Аркадиной. Но все его попытки кончаются — провалом, смешной неудачей, нелепостью, скандалом.

Спустя два года, прошедших между третьим и четвертым действием пьесы, Треплев уже «настоящий писатель»: он печатается в журналах, его ругают в газетах, читатели интересуются его внешностью и возрастом. Он стал спокойнее в проявлениях, и можно только догадываться, какие чувства им владеют, когда он рассказывает о жизни Нины, видит чучело чайки, слышит тригоринское «не помню».

Приход Нины взрывает наружное спокойствие Треплева и обнажает его внутреннее отчаяние, потерю чувства жизни, неверие в себя и свое призвание. Когда Нина — Мировая Душа — окончательно покидает его, он остается наедине с «хаосом грез и образов». Самоубийственный выстрел Треплева в финале пьесы — не бессилие отчаяния, а сознательный выбор. «Лопнула склянка с эфиром»: дух освободился от стесняющей его «материи жизни». Трагизм «странной» пьесы Треплева отозвался трагической иронией в финале комедии Чехова, превращая конфликт Треплева из жизненно-психологического в экзистенциально-философский.

В образе Треплева Чехов предугадал многие черты человека новейшего времени, которые с достаточной ясностью и полнотой проявились позднее — в мироощущении, в творческих судьбах художников «серебряного века»: В. Комиссаржевской, В. Мейерхольда, в особенности А. Белого. Характерные черты этого мироощущения, воссозданные в образе Треплева: «незавершенный» внутренний мир, отсутствие опоры, «тверди» (Ф. Степун); метания между «я» жизненно-психологическим и «я» художественно-эстетическим (В. Ходасевич); «изъян излишнего одухотворения» (Б. Пастернак).

Первым исполнителем роли Треплева (спектакль Александринского театра, потерпевший провал, 1896) был Р. Аполлонский. В знаменитой постановке Художественного театра, в которой, по убеждению К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, произошло «рождение» созданного ими театра, роль Треплева играл В. Мейерхольд. Слова чеховского героя о поисках новых форм искусства определили художническое кредо будущего великого режиссера.